

**Правонарушения как основание для ограничения
избирательного права дворян
(по материалам Рязанской губернии первой половины XIX века).
Корчмина Е.С., 2008 (г. Рязань)**

Исследование провинциального дворянства как части социальной структуры российского общества чрезвычайно актуально на современном этапе развития исторической науки, т.к. дореволюционные и советские историки не уделяли достаточного внимания данной теме.

Рассмотрение вопроса о девиантном поведении дворян помогает пониманию механизмов функционирования дворянской корпорации, на что историки уже обращали внимание (1). Задачами данной работы являются анализ структуры дворянских правонарушений, на примере дворян Рязанской губернии, как представителей провинциального дворянства Центрального региона, и выявление связи между совершенным правонарушением и последующим поражением в правах.

В данной работе речь идет о потомственных дворянах, имевших право избирать и быть избранными, т.е. о тех, кто составлял основу дворянской корпорации Рязанской губернии. В статье рассматриваются правонарушения, которые подпадали под действие «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.». Хронологические рамки исследования ограничены первой половиной XIX века, как периодом относительно устойчивого развития данной социальной группы.

Исходя из задач, следует провести два этапа работы:

1. выявить социальное положение дворян, нарушавших закон, и структуру правонарушений, ими совершаемых;
2. определить как факт нахождения дворян под судом и следствием влиял на их право участвовать в делах дворянского общества.

Основными источниками исследования первого вопроса стали реестры, которые составлялись в уголовных палатах уездных судов, с целью решения вопросов о допуске дворян к выборам и избранию в должности. Особенность этого исторического источника - достоверность. В реестрах не раз указывалось, что в формулярном списке не всегда встречается упоминание о нахождении под судом, а в материалах палаты такие данные есть. Например, в формулярном списке титулярного советника Алексея Ивановича Одинцова, избранного в уездные исправники по Спасскому уезду, не показано, что он был под судом. А в материалах Рязанской уголовной палаты указано, что он был «прикосновенен к делу, производимом в Московской уголовной палате, о лихоимстве по удельным имениям» (2), но оказался невиновен.

Изучение данного источника позволяет определить список дворян правонарушителей, и перечень совершенных ими правонарушений.

В фондах ГАРО встречаются реестры дворян, находившихся по разным делам под судом на протяжении 1820 – 1860-х годов. Сохранившиеся документы не равноценны, с точки зрения, информативности. Наиболее подробные и полные источники встречаются на период 1824-1835 годов. Нижняя граница определяется началом составления реестров (1815 год) и общей тенденцией к сохранности материалов. Верхняя граница совпадает с началом действия инструкции Министерства внутренних дел по секретной части от 30 октября 1836 за № 4245. В ней сказано: «Вследствие бывших в Государственном Совете удостоенных Высочайшего одобрения рассуждениях ... статей положения декабря 1831 о дворянских выборах, я покорнейше прошу Ваше превосходительство, приступить с особенною осторожностью к преданию служащих по выборам дворян суду наипаче тех, кои пользуются некоторым уважением в обществе, и всякий раз, когда будет к тому случай и средство, частным образом совещаться о сем с губернским предводителем дворянства, принимая, но также неофициальным образом мнение его в надлежащее соображение ...» (3).

В делах конца 1830-х годов, становится менее подробным описание правонарушений, но при этом указываются все дворяне, когда-либо совершавшие правонарушения. Так, например, на 1853 год из 150 дел 59 относятся к периоду до 1835 года. При этом в реестрах на 1827 г., 1832 г., 1835 г. указывались только те дворяне, кто совершил правонарушение за трехлетие, следующее за выборами. Источники 1860-х годов наиболее скупы и написаны канцелярским «штампованным» языком.

Общее количество дворян-правонарушителей и совершенных ими правонарушений, установленное на основе указанных документов, отражено в таблице 1.

Таблица 1

**Количество дворян-правонарушителей и правонарушений
в реестрах первой половины XIX столетия**

Общее количество	1824-1827 гг. (4)	1827-1830 гг. (5)	1830-1835 гг. (6)	1850-1853 гг. (7)
правонарушений	130	141	140	82
правонарушителей	168	183	230	100

Мы наблюдаем рост и правонарушений и правонарушителей на протяжении первой половины XIX века, вплоть до 1835 года. Увеличение количества правонарушителей в 1832-1835 годах, связано с тем, что по должностным преступлениям привлекались все дворяне, находившиеся на тот момент на службе.

Учитывая рост числа дворян к концу первой половины века, формально происходило определенное процентное снижение количества

дворян-правонарушителей, это, на наш взгляд, напрямую связано с инструкцией, а не с социальными изменениями.

Выявление социального состава правонарушителей (Таблица 2) основано на анализе распределения дворян-правонарушителей по чинам, что отражает не только уровень правонарушителей, но и уровень местной администрации, особенно до 1835 года.

Таблица 2

**Распределение дворян Рязанской губернии,
бывших под судом и следствием, по чинам в первой половине
XIX века**

Чины	Воински й чин	1827 (8)	1830 (9)	1835 (10)	1853	Гражданский чин	1827	1830	1835	1853	Итого
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
III	генерал-лейтенант		1								1
VI	полковник	1	3	1	2	коллежский советник		1	1	1	10
VII	подполковник	3	3	2	2	надворный советник	3	1	4	2	20
VIII	майор	12	8	8		коллежский ассессор	3	3	4	2	40
IX	капитан	8	13	9	2	титулярный советник	17	13	17	4	83
X	штабс-капитан	8	11	13	9	коллежский секретарь	10	10	9	3	73
XII	поручик	17	39	20	9	губернский секретарь	6	14	20	5	130
XIII	подпоручик	22	16	14	10	провинциал. секретарь	1	1			64
XIV	прапорщик	11	19	9	8	коллежский регистратор	14	17	23	6	107
не служащие									8	18	26
прочие		7	6	4	4					13	34
ВСЕГО		89	119	80	46		54	60	86	54	588

Анализ таблицы 2 позволяет заметить, что число правонарушителей гражданских чинов на протяжении первой половины XIX было меньше, чем военных, и они более равномерно распределяются по чинам. Наибольшее количество правонарушителей среди военных приходится на

1830 -1835 года (в два раза больше, чем гражданских), и их количество заметно сокращается к концу первой половины XIX века.

Единственный правонарушитель генеральского чина - это личность в России известная – генерал-лейтенант Лев Измайлов, который обвинялся в жестоким обращении со своими людьми, на 1830 год это дело находилось на рассмотрении Сената (11), и после оправдательных решений в низших инстанциях заменилось Высочайше утвержденным обвинительным приговором комитета министров.

Процент правонарушителей штаб-офицерских чинов (VIII – V классов) относительно не высок – 12 %, и среди них лидируют майоры.

Основное количество правонарушений совершали дворяне в обер-офицерских чинах, что, безусловно, соответствует уровню провинциальной дворянской администрации. Притом среди военных чинов наиболее активными нарушителями закона становились дворяне XII и XIII чинов – поручики и подпоручики. Среди гражданских чинов преобладают чиновники IX и XIV классов – титулярные советники и коллежские регистраторы. Обращает на себя внимание рост к середине XIX века числа правонарушений не служащих дворян, скорее всего это было следствием проведения в жизнь секретной инструкции МВД.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет рассмотрение правонарушений дворян по видам, в соответствии с Уложением 1845 года (Таблица 3).

Анализ данных таблицы показывает, что по делам рязанской уголовной палаты проходили, в основном, должностные правонарушения (37 %) и преступления против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц (31 %). При этом до 1835 года пальма первенства принадлежала именно первой категории дел. Сокращение количества должностных правонарушений к концу первой половины XIX века, также, на наш взгляд, связано с действием инструкции МВД.

Среди должностных правонарушений наиболее часто встречается формулировка «упущение по должности» или «за медленное реагирование на предписания начальства». Среди преступлений против свободы и чести частных лиц широкое распространение нашли обиды и «бой» как дворян, так и не дворян.

Количество экономических правонарушений (против собственности частных лиц, против имущества казны и проступков, связанных с крепостными) было значительно меньше. На наш взгляд, это свидетельствует об определенной степени экономической незрелости дворянства.

Минимальное количество правонарушений, направленных против общественного благоустройства, семьи и веры свидетельствуют о благонадежности в целом, дворянского сословия Рязанской губернии.

Таблица 3

**Анализ правонарушений дворян Рязанской губернии
в первой половине XIX века (13)**

Виды правонарушений	1824-1827 гг.	1827-1830 гг.	1830-1835 гг.	1853 г.	Итого
по службе государственной и общественной	48	53	70	11	182
против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц	43	45	32	37	157
против собственности частных лиц	10	18	10	14	52
связанные с крепостными крестьянами	16	11	12	6	45
против имущества и доходов казны	3	8	11	8	30
против общественного благоустройства	7	3	5	4	19
против веры	1	2		2	5
против прав семейственных	2	1			3
против порядка управления				1	1
Итого	130	141	140	83	494

Единственное дело, которое можно отнести к категории «политических», – это правонарушение юнкера Владимира Ивановича Аблова. Он возмущал будто бы крестьян г-жи Россинской к подаче Всеподданнейшего Государю Императору прошения об отыскании вольности из помещичьего владения (12). Но обращает на себя внимание, что в качестве наказания ему вменено долговременное содержание под стражею в Егорьевской городской тюрьме за нетрезвое поведение (sic!).

В целом, мы можем говорить о значительном снижении количества правонарушений и правонарушителей к концу первой половины XIX века.

При анализе наказаний, следует помнить, что для дворян применялись особенные наказания, такие как: исключение со службы, отстранение от должности, понижение по службе, выговор, вычет из жалования, замечание. Следует признать, что они не относились к категории суровых. Кроме того, часто хоть и следовало наказывать, но силой Всемилошвейшего манифеста от суда и следствия дворян учиняли

свободными. В этом отношении особенно показателен Манифест от 22 августа 1826 года, по случаю восшествия на престол Николая I. Данный манифест даровал различные облегчения или полную отмену наказания некоторым преступникам ("где нет смертоубийства, разбоя, грабежа и лихоимства"), прощал беглых, снимал казенные начеты ниже 2000 руб.

Достаточно сурово наказывались дворяне за ведение жизни, не соответствующее благородному сословию (нетрезвый образ жизни, ябедничество) – действовал механизм самосохранения корпорации. В данном случае сначала выдерживали в смиренном доме, ставили на вид дворянству, и если это не помогало, то отдавали имение под опеку с правом пользоваться доходами с имения или без такого.

Далеко не все правонарушения дворян приводили к поражению в правах, и в частности к ограничению избирательного права.

Институт ограничения прав имеет длительную историю и его функционирование в первой половине XIX века имеет свои особенности, в данном случае мы будем говорить об основаниях для поражения служебной правоспособности в делах дворянского общества губернии – право избирать и быть избранным. Ограничение данного права серьезно сказывалось на статусе дворянина, т.к. фактически он переставал участвовать не только в делах своего сословия, но и в вопросах местного управления губернией.

Первоначально Сенат выступал против возможности участвовать в выборах судившимся дворянам. Но в 1815 году к этому вопросу вернулись (в связи с событиями в Калужской губернии), и были сделаны исключения, т.к. на практике подобные лица не только допускались к выборам, но и были избираемы на все должности вплоть до предводительской. Министр юстиции посчитал, что если дворянское общество признавало возможным избрать судившегося раньше дворянина и оказывало ему доверие, правительству не за чем тому препятствовать. При этом Сенат постановил губернским правлениям составление реестров дворян, с указанием дел, по которым проходили дворяне, и решений по ним. Он оставлял за собой право указывать губернским правлениям, кто из таких лиц может быть допущен к выборам. Как правило, дворяне, судившиеся за проступки маловажные и подвергнувшиеся лишь замечаниям, выговорам или денежным взысканиям, к выборам допускались (14).

В итоге, основания для ограничения прав в результате противоправных деяний указаны в ст. 48-50 Устава о службе по выборам 1831 года.

«Лишаются права участвовать в выборах и вообще в действиях дворянства:

- те из дворян, коих при отставке от службы или приговорами судебных мест запрещено определять к должностям;

- те, коих имения по судебному приговору взяты в опеку за злоупотребления помещичьей властью».

«Дворяне, кои быв под судом, не за злоупотребления или преступления, а лишь за маловажные упущения по службе, освобождаются от оного действием Всемиловейшего Манифеста, могут быть допущены к делам собрания дворянства».

«Хотя и не воспрещается дворянам, состоящим под следствием, участвовать в делах собрания по выборам и назначать их в должности, однако ж, дворянское собрание может и находящегося под следствием, по известности о свойстве и важности причины, оному его подвергшей, удалить от участия в делах своих и отказать в избрании к должности».

Закон регламентировал процедуру исключения от участия в выборах, оно могло последовать не иначе, как постановлением, принятым большинством или двумя третями голосов, посредством баллотирования и подписанным как губернским, так и уездными предводителями дворянства в зале. Такое постановление не подлежало пересмотру судом и приводилось в исполнение немедленно. Жалоба на него могла быть принесена только Сенату и только кассационного характера. В 1835 году было оговорено, что если дворянин, подвергшийся исключению, отсутствовал, то дворянство могло его удалить только от участия в данном собрании, и предоставляло ему возможность через уездного предводителя представить собранию оправдания. И уже на следующем собрании дворянство решало, должен ли он быть исключен, или его объяснения принимались, и он допускался к выборам (15).

Мы видим, что не было каких-то строгих правил. Многое зависело от воли монарха (Всемиловейший манифест) и самого дворянского общества. Уточнения, сделанные в рамках Уложения 1845 года, оставляли достаточный простор для местного дворянского общества (16).

Подобная размытость границ и делает интересным выяснение на практике связи между правонарушением и последующим ограничением избирательного права дворянина, т.к. характеризует отношение самого дворянского общества к правонарушениям своих членов.

Сложность рассмотрения данного вопроса связана с недостатком источников.

В фондах ГАРО сохранилось несколько примеров рассуждений дворян о бывших под судом и следствием представителях благородного сословия. В частности, в 1853 в ходе дворянских выборов шло рассуждение о заседателе Ряжского земского суда капитане Аркадии Федоровиче Черногобове. Он со штабс-капитаном Решковым подозревался в будто бы «насильственном увозе девки Крыловой». По делу решением Сената заключено: его Черногобова, хотя недоказанного в участии с Решковым, но оставляющего сомнение, выдержать три дня при полиции. Ряжский уездный предводитель дворянства Протопопов

уведомил, что сей дворянин как по службе военной и гражданской, так и по частной жизни его соответствует званию благородного человека, и его судимость не была связана с должностным правонарушением. Поэтому при слушании сего дела господа предводители объявили, что они не имея ввиду из существующих законов запрещения ко вступлению ему Черногубову на службу, положили допустить к выборам (17).

Если информация из уголовной палаты поступала в рязанское депутатское собрание, то в определении могли записать: «Оное сообщение впредь для ведома хранить с прочими в переплете, а для незабвенной памяти в списке под именем означенных дворян сделать отмету» (18).

В фондах Рязанского архива сохранилось дело, позволяющее на примере одного уезда Рязанской губернии рассмотреть механизм ограничения дворянской правоспособности. Дело 81 «Списки дворян Сапожковского уезда, имеющих право участвовать во всех делах дворянского собрания кроме выборов дворян, бывших и состоящих под судом и следствием» (19) является ответом Сапожковского уездного предводителя дворянства в 1841 году на распоряжение Рязанского губернского предводителя дворянства о предоставлении сведений о дворянах перед новыми выборами. Отчет представлен в виде таблицы «Список дворян бывших и ныне состоящих под судом и следствием», в первой колонке указаны имя и чин, во второй указаны дела, по которым были осуждены дворяне, в третьей - указаны сроки и результаты расследований, т.е. отчет составлен подробно. Указывались все правонарушения с 1815 года, правонарушители по которым были живы. В последней колонке другим почерком было дописано напротив каждой фамилии «допустить» или «не допустить», именно к участию в дворянских выборах. Данные для анализа представлены в Таблице 4.

Всего на 1841 год по Сапожковскому уезду было записано 167 потомственных дворян (20), имевших право принимать участие в делах дворянства, из них 21 человек – это дворянки, 17 человек, наиболее состоятельных, не проживало в уезде. Таким образом, реально могло принимать участие в выборах 129 человек, которые, и указаны в таблице 4. 39 человек (30 %), состояли под следствием, и из них 14 человек не принимали участие в полной мере в делах дворянского собрания – 11 % от общего количества. Также из таблицы 4 видно, что правонарушения совершали дворяне всех чинов, но ограничение правоспособности коснулось только дворян обер-офицерских чинов.

Таблица 4

**Сравнительный анализ числа дворян Сапожковского уезда
Рязанской губернии, ограниченных в правоспособности по
состоянию на 1841 год**

Чин	Общее количество дворян, чел.	Количество дворян состоявших под судом и следствием		Количество дворян ограниченных в правоспособности	
		чел.	%	чел.	%
V	2				
VI	2	2	100		
VII	4	2	50		
VIII	7				
IX	11	2	18		
X	11	5	45		
XII	34	8	23	5	15
XIII	8	5	62	1	13
XIV	26	10	38	5	19
не служащие	15	4	27	1	6
прочие	9	1	11	2	22
Всего	129	39	30	14	11

На наш взгляд, при не допущении к выборам имел значение не столько сам проступок, сколько неоднократность совершения правонарушений, что фактически является интерпретацией ст. 49 Положения 1831 года.

Среди тех, кто совершил проступок один раз (27 человек) только 5 человек (20 %) были не допущены к выборам (21). Среди них был Ремизов Павел Сергеевич, губернский секретарь, осужденный за чинимые на титулярного советника доносы о якобы неправильном присвоении дворянства. По приговору суда Ремизова сочли ябедником, и хотя по Манифесту он был освобожден, к выборам допущен не был.

Также не был допущен к выборам Серов Иван Иванович, прапорщик, который был осужден за обиду штабс-капитана Ивана Кононова и насильственное растление его девки Дарьи Васильевой. Его выдержали 1 месяц под арестом, в пользу приказа общественного призрения взяли с него 12-дневное содержание, и потом прапорщик и Дарья Васильева были отправлены на сей срок в смиренный дом.

Но в целом, из материалов дела сложно выявить степень общественной опасности правонарушения, т.к. за некоторые аналогичные проступки (упущение по должности, клевета, бой коллежского регистратора, допущение к драке крестьян) могло и не следовать ограничения в правоспособности.

Из тех, кто неоднократно был замечен в ненадлежащем поведении (12 человек) – не допущено 9 (75 %).

Показательными являются строки, написанные М.А. Дмитриевым, свидетелем событий первой половины XIX века.

Кто был под судом и вышел в подозрение.
Тот, может быть ещё по случаю попал;
Кто два раза, тот плут, без всякого сомнения,
Хотя бы суд и оправдал!
Но в утешение для честных остается
Что он и в третий попадется (22).

Среди тех, кто неоднократно вел себя недостойно, даже по документам можно определить характер некоторых дворян: Барсуков Николай Иванович (поручик) 5 раз из 6 наносил обиды дворянам, явно был несдержан на язык. Одинцов Федор Николаевич был драчун: 4 раза был замечен в «бое» и дворян, и крестьян. Можно проследить определенную семейственность. Так, среди правонарушителей встречается трое господ Барсуковых, двое Барышниковых, двое Безобразовых, трое Ретонских (по другим документам Ретюнских), трое Терских.

Сравнение должностного положения дворян, ограниченных в правоспособности, и дворян, имеющих право принимать участие в дворянских делах, показывает, что среди военных чинов 50 % состояли или находились под судом и следствием, причем это соотношение просматривается как на общем количестве, так и по чинам. Среди гражданских чинов 30 %, т.е. один из трех чиновников, состоял под судом или находился под следствием.

Таким образом, основанием для ограничения избирательного права дворянина является в первую очередь, неоднократность совершенных правонарушений. При этом факт поражения в правах отражался на общей ситуации с выборами в губернии, т.к. около 11 % дворян не принимали участие в делах дворянства по решению самих дворян. Были и те, кто не могли участвовать в выборах, т.к. находились на действительной службе. Определенный процент дворян (по документам сложно прослеживаемый) не желал принимать участие в дворянских делах. Таким образом, явка на выборах уже изначально должна была быть невысокой.

Отдельно стоит упомянуть о правонарушениях дворян, которые приводили к лишению дворянского достоинства и как следствие, к невозможности участвовать в делах дворянства.

Данная категория правонарушений не проходила по уездным судам и не решалась в рамках губернии, т.к. компетенция уездных судов была ограничена решением мелких уголовных дел (23). Информация об этих немногочисленных правонарушениях и правонарушителях сохранилась в журналах Рязанского дворянского депутатского собрания.

По Жалованной грамоте дворяне могли лишиться дворянского достоинства, если совершили такие преступления, как: нарушение

клятвы, измена, разбой, воровство всякого рода, лживые поступки и другие преступления. Список широк и многозначен. При этом потеря прав дворянства возможна была только по суду за преступления дворянина с Высочайшего утверждения. В 1819 году велено «дворян, обличенных в краже, лишать дворянства, а оказавшихся виновными в непотребстве, пьянстве и азартной карточной игре предавать суду для поступления с ними за таковые поступки на основании законов». В 1820 году император повелел дворян, разжалованных в солдаты с лишением дворянства, не представлять к производству в офицеры.

Таким образом, дворянин, лишенный за преступление своего права по суду, мог быть восстановлен в своем прежнем достоинстве не иначе, как только по высочайшему прощению (24).

«Бывшему надворному советнику Сергею Дубовицкому, по лишении чинов и дворянства, сосланному на поселение в Сибирь, а после по именному высочайшему указу, отпущенному на жительство в дом его, всемилостивейшее повелено возвратить чины и дворянское достоинство и предоставить право вступить в службу» (25).

Губернская дворянская корпорация узнавала о случаях лишения дворянских прав, связанных с дворянами данной губернии, через сообщения губернского правления на заседаниях дворянского депутатского собрания.

В ходе заседаний Рязанского дворянского депутатского собрания после заслушивания указа Правительствующего сената о лишении дворянства, как правило, следовала процедура выяснения принадлежности дворянина к Рязанской губернии. Часто данные о принадлежности дворянина, лишенного дворянства, к корпорации рязанского дворянства не подтверждались. Если же оказывалось, что данный дворянин - из числа дворян Рязанской губернии, то как правило, его род не был занесен в родословную книгу губернии. Учитывая, что для поступления на воинскую службу требовалась копия со свидетельства о внесении в родословную книгу губернии, данные прецеденты, говорят о несовершенстве бюрократической системы первой половины XIX века.

При анализе исследованных случаев лишения дворянских прав можно заметить следующее.

Правонарушения были связаны как с исполнением служебных обязанностей, так и с образом поведения недостойным дворянина.

Так, Федор Иванович Муратов оказался виновным в двух побегах, в составлении многих фальшивых билетов с наименованием себя чужими фамилиями и с присвоением разных званий, и в ложных при производстве суда показаниях (26). Подпоручик Елютин повинен в похищении принадлежащим нижним чинам денежных писем и следующих в разные места конвертов с деньгами и растрату всего вообще 1987 руб. 83 $\frac{3}{4}$ коп. (27). Михин, по произведенному над ним военному суду, найден

виновным в употреблении на собственные надобности солдатских денег, неисполнении по сему предмету приказа батальонного командира, и других непозволительных и неправильных поступков (28).

Дворяне, лишенные дворянства, состояли в низших воинских чинах (подпоручик) или были рядовыми. Но у нас есть информация только о незначительном количестве подобных случаев, и мы не можем сделать вывод, какой процент дворян, лишенных дворянского достоинства, состояли в низших воинских чинах.

Все дворяне, лишенные дворянского достоинства, разжаловались в солдаты с возможностью выслуги, за исключением случая, когда дворянин был признан недостойным продолжения службы и сослан на поселение. Рядового Николая Ремезова, «за побег из службы, за снос и утрату имевшихся на нем казенных и амуниционных вещей, лживые поступки, пьянство, развратную и расточительную жизнь лишить дворянского достоинства и воинского звания, по неспособности к службе и работам сослать в Сибирь на поселение» (29).

Дворяне, лишенные дворянства, исключались из корпорации и не могли претендовать на выборные должности, но учитывая, что всех их так и «не нашли» среди дворян губернии, за исключением одного Елютина, который был рожден до брака и ему потом было позволено принять фамилию отца, то можно говорить, что данные правонарушения не имели влияние на деятельность дворянской корпорации.

Таким образом, за первую половину XIX века под судом и следствием, по неполным данным, побывало порядка 600 дворян Рязанской губернии, из числа имеющих право избирать и быть избранным. Среди них преобладают дворяне обер-офицерских чинов, совершавших должностные правонарушения или правонарушения против здоровья, чести и жизни частных лиц.

Особо стоит отметить отношение государства к самому факту дворянского правонарушения, выразившееся в секретной инструкции МВД. Правительство не поощряло привлечение дворян, служивших по выбору, к суду (чем не институт депутатской неприкосновенности). Это отражает желание поднять авторитет местной администрации, являющейся в основном дворянской.

Институт ограничения дворян в избирательных правах был определен законодательно достаточно широко, и само дворянское общество имело решающий голос для допуска дворянина, находившегося под судом и следствием, к делам корпорации. По свидетельствам современников, дворянство не желало полностью исключать судившихся дворян от участия в дворянских делах. Недопущение дворянина к выборам приводило не только к невозможности принимать участие в делах самой корпорации, но и отстраняло его от участия в вопросах местного самоуправления. С другой стороны, стоит обратить внимание на

мнение С.А. Корфа, который писал: «...уже само допущение к выборам вышепоименованных категорий лиц (состоящих под судом и следствием – авт.) не вполне отвечало пользе дела...» (30).

Механизм ограничения в избирательном праве дворян, приступивших закон, был рассмотрен на примере одного из уездов Рязанской губернии из-за ограниченности источников. Было выяснено, что не все осужденные дворяне ограничивались в своих правах, основанием для подобного решения, как правило, была неоднократность противоправных деяний. При этом право дворянского общества ограничивать доступ отдельных дворян к выборам, безусловно, отражалось на общей ситуации с выборами в губернии, приводя в конечном итоге, к небольшому числу дворян, принимавших участие в выборах.

Вопрос о лишении дворянства с соответствующими последствиями стоит особняком, т.к. решался на уровне императора России, и не имел серьезного влияния на функционирование местного дворянского общества.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М. 1993.; Азнабаев Б.А. Воинские правонарушения служащих дворян Оренбургского корпуса во второй половине XVIII в. (по смотровым и формулярным спискам полков и батальонов Оренбургской губернии) // Вестник МГУ, история, серия 8. № 1. 2004. С. 101 - 114

2. ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1231. Л.310

3. ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1921. Л. 2

4. ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 546.

5. ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 905.

6. ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1853.

7. На 1853 год указаны все правонарушители с 1820-х годов, но в таблице приведены данные только начиная с 1835 года. Также данные не учитывают несколько уездов Рязанской губернии.

8. Для 25 дворян не указан чин (14 % от общего количества правонарушителей), но это не означает, что они были неслужащими.

9. 4 дворянина без указания чина (2 %)

10. 64 дворянина без указания чина (27 %)

11. ГАРО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 905. Л. 122.

12. ГАРО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 309. Л.54.

13. Деление по видам правонарушений основано на делении, принятом в Уложении 1845 года. (Свод законов уголовных. Кн. 1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Издание 1866. СПб., 1866.)

14. Корф С.А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762-1855 годов. СПб., 1906. С. 413.

15. Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. Свод материала и приуготовительные этюды для исторического исследования. Издание второе (посмертное). Киев., 1912. С. 431-432.

16. Таганцев Н.С. Уголовное право (Общая часть). Часть 2. По изданию 1902 года. Allpravo.ru. - 2003.
[//http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum106/item989.html](http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum106/item989.html)

17. ГАРО. Ф. 5. Оп.1 д.1853. Л. 73.

18. ГАРО. Ф. 98. Оп. 22. д. 1. св. 126. л.199.

19. ГАРО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 81

20. Там же. Л. 20.

21. Там же. Л. 14.

22. Дмитриев М.А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 328 – 330, цит. по Писарькова Л.Ф. К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных п.п. XIX века) // Отечественная история. 2002. № 5. с. 33 – 49.

23. Сизова О. В. Дворянство Ярославской губернии в конце XVIII - первой половине XIX веков: Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1999. С.161.

24. Яблочков М.Т. История Российского дворянства. - М, 2006. с. 476.

25. ГАРО. Ф. 98. оп. 22. д. 1 св. 126. л. 320.

26. ГАРО. Ф. 98. Оп. 65. Д. 1. Л. 361.

27. ГАРО. Ф. 98. Оп. 45. Д. 1. св. 278. Л. 122.

28. ГАРО. Ф. 98. Оп. 45. Д. 1. св. 278. Л. 433.

29. ГАРО. Ф. 98. Оп. 45. Д. 1. св. 278. Л. 112.

30. Корф С.А. Указ. Соч. с.414.